

ПРОЩАЛЬ

(К истории г. Томска и его окрестностей)

Приключенческий роман

1. ЗИМНИЙ НИКОЛАЙ

На рубеже двух знаменательных веков в благословенном городе Томске произошел неприметный случай. Дежурная санитарка знаменитого Мариинского сиропитательного приюта пошуровала в печи. Пора было выгребать жар и закрывать трубу. Не сидеть же подле печи всю ночь?

Агафья Данилова с корытом, в котором дымила сырая головня, выскочила на заднее крыльцо. И замерла. На сугробе, который выюга намела возле крыльца, как на пушистой белой перине, лежал младенец, аккуратно запеленатый во все чистое. При свете луны было видно, что младенец морщит губы, словно пытается что-то сказать. Видно, подкинули его совсем недавно.

Агафья воткнула головешку в сугроб и осторожно подняла младенчика. Вернувшись в приют, Агафья разбудила инвалида, Фаддея Герасимовича, который был в приюте смотрителем. Следил за порядком. Не пускал в дом чужих. И розги заготавливал, и порки производил, когда это требовалось. Приютские на него не обижались. Дядька потерял ногу на последней войне. И все в приюте знали, что потерянная нога у него болит, хотя она и осталась где-то на полях сражений.

Дядька поворчал спросонья: вот, мол, ни сна тебе, ни отдыха. Но, отошедши от сна, принял в младенце самое живое участие. Он велел распеленать его. Объявил, что младенец этот мужеского пола. На что Агафья отвечала, что глаза у ней самой есть.

— Глаза! Глаза! Ты посмотри что? Пеленки-то богатейские, кружевные, а метка нигде не вышита. И в колокольчик не позвонили. Ни записки, ничего. И лицо у младенчика благородное, не иначе какая-нибудь дворянская либо генеральская дочка свой грех на наш задний двор скинула. Небось, к парадному крыльцу не пошла в колокольчик звонить! Ну, начальство завтра явится, решит, что с ним делать... Ага! Надо же! Золотое колечко к ручонке привязано. Ну, это вроде взятки нам. Начальству не скажем, кольцо сдадим, деньги на двоих поделим. Согласна?

Агафья кивнула. Фаддей Герасимович продолжил речь:

— А ты его с собой положи, да не приспи ненароком...

— Болтай! — сердито отозвалась Агафья. — Я своих пятерых вырастила. Да со здешними сколько вожусь!

Случай действительно не совсем обычный. Ибо приют сей был создан специально для приема младенчиков известным купцом-золотодобытчиком Федором Харлампиевичем Пушниковым. А то ведь бывает как? Согрешит девица, да и кинет плод несчастной любви в речку либо, хуже того, куда-нибудь в мусорную кучу или выгребную яму. Вот Федор Харлампиевич и удумал такое заведение. Неподалеку от Белого озера, на берегу речки Белой, которая неторопливо несла свои струи в глубокий овраг, в березовой роще был выстроен дом, искусно и щедро украшенный резьбой. Он не был окружен забором, а поднявшись по парадному крыльцу, можно было прочесть табличку, что дом этот всегда может приютить младенчиков для заботы и воспитания, и что заведение это носит имя ее императорского Величества, одобдившего открытие сего дома. Другая табличка просила мамаш, оставив младенца на парадном крыльце, позвонить в колокольчик у двери.

Так многие и делали. Иногда матери, которые были не в силах сами взрастить своего младенца, оставляли записку с указанием: «крещен» или «не крещен». Но в ту ночь случилось небывалое. Младенчика оставили на заднем крыльце. На снегу. И не постучали, и не позвонили. И если бы Агафье не вздумалось пойти вынести никак не желавшую сгорать головешку, младенец наверняка превратился бы в комочек льда.

Так в приютском доме на тихой окраине Томска появился новый житель города. Нарекли его Николаем Ивановичем Зимним. Николай — имя доброе, Иванов на Руси немеряно. Вот и дали Коле такое отчество.

Березы, ивняки, боярка, чистейшая и рыбная речка Белая, по берегам которой летом можно смородину и малину ведрами брать. А зимой — катание с горок на лыжах, на салазках. И все же приют есть приют. И побить могут, и лишним куском не побалуют. А горче всего — прозвание сироты.

Мальчик рос — на загляденье. Учился вместе с другими по системе Ушинского. Осваивал письмо и счет, рисование по клеточкам, в воскресные и табельные дни вместе с другими ребятами пел в церкви Богоявления.

Известно ведь, что именно мальчишечьи голоса обладают особым «ангельским» тембром. Регенты ценят одаренных мальчишек.

Однажды Второвский приказчик отдела обуви Семен Петрович Благов явился к приютскому наставнику, учителю Федору Ивановичу Голохвастову.

— Желаю взять опеку над Зимним. Как он? Лицом-то смазлив, а сметлив ли?

— Вполне. Хотя и тихоня. В тихом омуте всегда черти сидят...

— Ничего! Воспитаем! Будет мальчиком-грумом. Покупки-то все больше барыньки-модницы делают, им должны прислуживать эдакие херувимчики. Это тоже, если хотите, коммерческий расчет. Стульчик подать, покупки до коляски поднести. Пакеты в хрустящей бумаге, по которой сплошь печатано: «Второвъ! Второвъ! Второвъ!». Шелковой ленточкой все перевязано. Даме приятно, что такое миленькое существо с ее покупками трепыхается. Она в следующий раз только в наш магазин и пойдет! Запомнит это: «Второвъ! Второвъ! Второвъ!». У нас мальчишки имеют домашнюю и служебную форму, бесплатное питание и общежитие с электричеством и душем. И специальность получают. Счастливая судьба для сироты!

— Что ж, оформляй бумаги в суде и забирай. Да мне бутылочку не забудь поставить, все-таки я начал учить сие существо жизни с самых азов!

— Ладно! Спору нет. Должен!

Вскоре в суде была оформлена опекунская бумага. И Коле объявили, что очень скоро он переселится из приютских стен в общежитие мальчиков универсального магазина Второва. Он сначала подумал, что над ним подшучивают. Еще недавно, проходя мимо Второвского пассажа, Коля заглядывался на это громадное здание, поражавшее воображение. Он не смел и мечтать, что когда-нибудь сможет войти внутрь этого здания. Это был совсем иной, сказочный мир.

2. ВЛАДЕЛЕЦ ЧУДА

Коля Зимний не знал, что его тезка Николай Александрович Второв свою карьеру тоже начинал мальчиком на побегушках. Вышел в приказчики. А потом завел свое дело. Приехал он в Томск из Иркутска уже опытным купцом. Неподалеку от табачной фабрики «Самсон», на тихой Большой Подгорной улице, построил он себе особняк, с балконами на громадных, причудливо выгнутых кронштейнах. К этому дому под номером сорок один, то и дело подъезжали пролетки. Второв вел оптовую торговлю мануфактурой. Его агенты ездили в Москву и Иваново, Кремгольдские мануфактуры, Лодзь. Да и сам он часто бывал в деловых вояжах. В этих поездках он европеизировался, сбрил усы и бороду, стал совершенно не похож на купца. Когда его спрашивали, чем он занимается, Николай Александрович обычно говорил кратко:

— Гоню мануфактуру из Европы в Сибирь!

Он вел дело так счастливо и ловко, что стал крупнейшим коммерсантом не только в Томске, но и во всей России. И захотелось ему, чтобы не было в Томске ни одного более грандиозного здания, чем его, Второвское. Второв выкупил два огромных особняка, только для того, чтобы снести их, и на освободившемся месте построить свой пассаж. Рядом — центральный базар, великая река Томь.

В 1902 году стали рыть огромный котлован, но он заполнялся водой и оплывающей глиной. Тысячи людей поднимали со дна котлована жидкую глину в рогожных мешках. Гигантские плоты из лиственницы один за другим погружали на дно. И лишь потом приступили к кладке каменного фундамента.

С 1904 по 1905 год Россия воевала с Японией. На фронтах старались и томичи. Но это не мешало Второву строить чудо-здание, и к концу войны с Японией здание было отстроено. Не выходя из этого углового здания, можно было пройти квартал Почтамтской улицы и значительную часть Благовещенского переулка.

В 1906 году открылись в этом здании универсальный магазин и гранд-отель «Европа». Газеты извещали, что в «Европе» действуют подъемные машины, в номерах есть электричество, ванны и душ. Рестораны работают круглосуточно, и всю ночь играют там женский и мужской румынские оркестры. И есть электрический театр, показывающий живые картины.

К зданию с двух сторон примкнули строения различных вспомогательных служб: в том числе — электростанция, дома для служащих, пекарня, прачечные, мастерские, общежития для приказчиков и мальчиков-грумов.

На банкете по случаю окончания строительства Николай Александрович под аккомпанемент фортепиано пел вальс «На сопках Маньчжурии» и «Врагу не сдастся наш гордый «Варяг». Гости плакали в голос. Построившие здание архитекторы Фортунат Фердинандович Гут и Андрей Дмитриевич Крячков тихо беседовали на диване:

— А ведь правда, обидно? Япошки, маленькие, а всыпали россиянам по первое число! — сказал Андрей Дмитриевич.

— Да! Помню карикатуру в журнале «Нива». Узкоглазая желтая лягушка в очках указывает на огромного слона, у которого на боку написано «Россия», и спрашивает другую лягушку: смогу ли раздуться и стать ростом с него? Другая отвечает: лопнешь! Так вот смеялись над узкоглазыми маленькими японцами. А получилось по пословице: большая фигура, да дура!

Второв подошел с бокалом шампанского в руке к просторному окну, чтобы полюбоваться открывавшейся из него панорамой. И как раз напротив окна, возле Ушайки, были заросли вербы, ивняка, черемухи, где копошились пьяницы, побирушки, воры. Один выпивоха не смог добрести до кустов и спал на откосе, заблевающий, грязный.

— Гляньте, господа! Сему индивидууму несомненно сейчас снится рай!

Купцы подошли к окну, послышались возгласы, дескать, действительно, сладко спит детина.

— А мы вот сейчас над ним пошутим!

И Второв приказал перенести пьяного в один из гостиничных люксов, обмыть, переодеть во все дорогое и чистое и уложить на надушенные простыни. Окна в люксе задрапировали, принесли туда горшки с цветами: фикусами, всякими бегониями, установили во всех углах арфы.

По приказу Второва, как только парень очнется, арфистки должны были играть самые приятные и нежные мелодии. Хористки и танцовщицы местного театра были одеты в легкие муслиновые накидки, распустили по плечам волосы, сквозь муслин проглядывала прекрасная нагота. Едва этот забуддыга проснулся и поразился тихой нежной музыке, дивным видениям, самая обнаженная и самая красивая танцовщица поднесла ему рог с дорогим заморским вином. Выпил он все, что было в роге, девицы принялись его обнимать и ласкать. Пытается узнать, куда он попал. Не отвечают. Только целуют да подливают вина. Наконец самая красивая и обнаженная мелодичным голоском сказала ему:

— Ты в раю.

Снова поднесли ему вина, а в бокале на этот раз была изрядная доза снотворного. Выпил юноша содержимое бокала и опять уснул. Тогда его положили туда же, где он раньше лежал.

Второв с гостями смотрел в окошко, как слуги обливали парня помоями и мазали нечистотами. Парень после не мог понять: то ли ему сон приснился, то ли в самом деле в раю побывал?

В томских салонах долго вспоминали эту шутку.

3. МАЛЬЧИКИ-ГРУМЫ

Во дворе Второвского пассажа разместилось несколько кирпичных двухэтажных и трехэтажных зданий. Высокая труба от электростанции, как одинокий перст, указывала в небо. Из пассажа под Протопоповским переулком каменный тоннель вел к Ушайке. О тоннеле, кроме самого Второва и его управляющего, никто не знал. Идя во двор, все невольно обращали внимание на термометр Реомюра, высотой со взрослого человека. Термометр этот был защищен изящной кованой решеткой, которая как бы поддерживалась двумя серебристыми ангелочками.

Пансион школы приказчиков в этом дворе смотрел окнами на гостиницу. Во флигеле, неподалеку от квартир приказчиков и общежития грумов, была небольшая шоколадная фабрика. И все жители этого двора были пропитаны шоколадным запахом.

В грумы набирали мальчиков по конкурсу со всей губернии. Часто это были сироты. Мальчики должны были быть смыслеными, расторопными и обязательно хорошенькими.

Когда Коля Зимний стал грумом, он очень волновался: что ждет его на новом месте? Но ничего хорошего, кроме запаха шоколада, в этом общежитии он не нашел. Мальчишки здесь отличались от приютских хитростью и бессердечием. Они не жалели друг друга, и видно было, что переняли многое из взрослой жизни. Особенно Коле не понравился Аркашка Папафилов, мальчик с бараньими выпученными глазами и нагло вздернутым носом. Он сразу же заявил:

— Ты будешь заправлять мою кровать и чистить мои ботинки.

— Не буду!

— Ночью оболью чернилами.

— Попробуй.

Пришлось не спать. Аркашка под утро подкрался-таки с пузырьком. Но Коля вскочил, стал вырывать у Аркашки чернила. Оба перемазались. За это им влетело от дежурного дядьки.

Вечерами Аркашка Папафилов нередко отпирал замок на своем сундучке и доставал оттуда подзорную трубу. За копейку он разрешал посмотреть через свою подзорную трубу на шансонеток, которых было видно в окнах соседнего здания. Девушки готовились к выступлению в ресторане гранд-отеля. Ввиду жары румынки гуляли по своим комнатам обнаженными, щелкали грецкие орехи, пили чай. Разучивали канкан, который должны были исполнить под музыку, сочиненную французским евреем Жаком Оффенбахом.

Загадочная румынка Бела Гэлори совершенно голая примеряла красные сапожки с кисточками. Она была дирижером женского румынского оркестра, искусная скрипачка, и говорили, что, возможно, как и танцовщицы, в конце вечера нередко уходит к какому-нибудь денежному постояльцу на ночь.